

Софья Чуйкина

Tomila V. Lankina. The Estate Origins of Democracy in Russia: From Imperial Bourgeoisie to Post-Communist Middle Class. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 496 pp. ISBN 9781316512678.

*Софья Чуйкина, кафедра славистики, Университет Париж VIII; Центр социологических и политологических исследований (CRESPA), Франция.
sofia.tchouikina@gmail.com.*

Книга Томилы Ланкиной, профессора Лондонской школы экономики, относится к исследовательскому направлению, изучающему социальные траектории потомков докапиталистических элит в двадцатом веке (Фотеева и Семенова 1996; Чуйкина 2006; Lancien and Saint-Martin 2007; Le Wita 1988; Mension-Rigau 1990, [1994] 2007; Pinçon and Pinçon-Charlot 1998; Saint-Martin 1993). По сравнению с работами предшественников, монография Ланкиной новаторская. Во-первых, наряду с качественными методами она широко применяет количественный анализ. Во-вторых, автор связывает воспроизводство высокого статуса привилегированных групп с типом политического режима, установившегося в стране.

Объект исследования Ланкиной – образованные слои дореволюционной России и их долгосрочные жизненные стратегии в СССР на примере жителей Самары. Автор изучает не одно из привилегированных сословий дореволюционного общества, а все вместе: дворянство, буржуазию, духовенство, городское мещанство – с особым акцентом на последнем. Такой выбор обоснован тем, что в центре внимания находится доступ к образованию и городской гражданской активности, который имели все эти социальные группы. Городское мещанство – страта, границы которой трудно четко обозначить; между тем эта категория населения имела доступ к социальной мобильности и к концу XIX века постоянно контактировала с представителями более привилегированных сословий. Также, с точки зрения автора, важной чертой городского мещанства был опыт рыночной деятельности, и память о нем оказалась переданной потомкам, несмотря на запрет частной собственности в СССР. И главное – включение в исследование городского мещанства позволяет провести статистические корреляции между имперской Россией и нынешним моментом.

Широкое определение объекта исследования позволяет через используемые методы и источники отследить не разобщение бывших привилегированных сословий Самары, а их взаимодействие вокруг общих дел. Ланкина анализирует архивы образовательных учреждений, органов городского самоуправления, мест общественного притяжения, таких как музеи, различные клубы по интересам и вольные общества.

Книга начинается с того, как привилегированные слои осуществили конвертацию ресурсов в пореформенной России, когда многие бывшие дворяне освоили буржуазные профессии, а мещане стали отдавать детей в школы. Притом что в образовательных заведениях представители этих слоев встречались и взаимодей-

ствовали, сословные категории и звания продолжали быть престижными. Автор изучает самопрезентацию горожан в конце девятнадцатого века и отмечает, что носители высокой сословной принадлежности указывали ее в официальных и неофициальных ситуациях. Таким образом, она показывает, что в пореформенной России сформировался образованный слой, пронизанный социальными различиями. Эти выводы подводят ее к анализу городской публичной сферы – взаимодействия представителей гражданского общества, имевших доступ к ресурсам и создававших себе площадки взаимодействия.

Книга показывает, что для успешного социального воспроизводства привилегированных слоев после Октябрьской революции важным оказался опыт борьбы за автономию гражданского общества в Российской империи. Ланкина развивает аргументы, сформулированные тридцать лет назад в исследованиях о роли профессий в российской истории и о том, что в условиях политического авторитаризма профессиональные союзы, конференции, конгрессы, сети и клубы становятся местами, в которых формируются практики сохранения автономии (Balzer 1996; Clowes et al. 1991). Она приходит к выводу о том, что при наступлении авторитаризма нового типа после 1917 года бывшими привилегированными слоями были применены уже опробованные методы автономизации. Исследование привилегированных групп Российской империи позволяет автору критически переосмыслить работу Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» ([1962] 2016). Если Хабермас определял публичную сферу как обсуждение общественно значимых вопросов частными индивидами, не связанными с государственными институтами, Ланкина показывает на примере российского случая, что огосударствление не останавливает формирование публичной сферы, а последняя может произрастать и изнутри государственных институций (*public sphere embedded in the institutional apparatus of the state*).

Анализируя социальные сети на основе данных дореволюционного светского ежегодника города Самары («адрес-календарь») и «памятных книг», автор изучила, вокруг каких видов деятельности или институций происходило больше всего социальных взаимодействий. Выяснилось, что пересечения активных горожан разных страт и групп случались на почве истории города и региона, а центральными местами для этого становились исторические общества и Самарский губернский музей. Далее Ланкина прослеживает судьбу этих конфигураций сетей в послереволюционный период и обнаруживает, что структурно она мало изменилась. Просветительские организации, такие как музей, библиотека, археологические и краеведческие клубы, остались центрами пересечения социальных сетей активных горожан, а представители ранее привилегированных слоев сохранили центральную роль в этих сетях.

Приобретение дореволюционной буржуазией высокого социального статуса в советском обществе происходило тремя путями. Первый и самый очевидный – сохранение профессиональных позиций специалистами в областях, далеких от политики, таких как медицина. Второй путь – использование новых возможностей, созданных советской властью. Например, наличие гимназического диплома было достаточным, чтобы найти работу в сфере образования и культуры, поскольку по-

требность в грамотных специалистах была высокой. Наконец, третий путь заключался в интеграции через принадлежность к нишевым сообществам, которые буквально контролировались «бывшими». В качестве примера автор изучает работу Самарского музея под руководством Веры Гольмстем в послереволюционное время.

На протяжении нескольких глав прослеживается идея о том, что городские мещане, как и другие образованные сословия, смогли передать по наследству ценности среднего класса, включая уважение к частной собственности, понимание роли права и гражданских свобод, а также школьного и домашнего образования. В шестой главе «Рыночные ценности и экономика выживания» взаимодействие между уехавшими в эмиграцию и оставшимися в Советском Союзе иллюстрируется на примере семьи Неклютиных, представителей городской буржуазии. Благодаря полученному в России образованию Константин Неклютин смог приобрести высокий профессиональный статус в эмиграции, откуда он материально помогал родственникам, оставшимся в СССР вплоть до 1940-х годов. Ланкина показывает, что «рыночные ценности» были укоренены в кругах самарской городской буржуазии – как крупной, так и мелкой, – и данное мышление передавалось потомкам. Этими механизмами объясняется статистическая корреляция между количеством кооперативов и предприятий, созданных в конце 1980-х – начале 1990-х годов, и количеством предпринимателей дореволюционного периода в разных городах и регионах.

Городское пространство также способствовало социальной устойчивости привилегированных групп и воспроизводству социального неравенства. Несмотря на ухудшающееся качество жилья, на протяжении всего советского периода центр Самары никогда не терял свой социальный престиж. Он не только сохранил старых жителей, но и привлек новых жильцов, в частности эвакуированную столичную интеллигенцию. Противоположностью престижному старому центру стала Безымянка – рабочий район, место жительства «синих воротничков», на протяжении всей своей истории являвшийся местом конструирования «рабочей» идентичности, а также антиэлитарных пролетарских субкультур, таких как «куйбышевские фураги». Компактное проживание обладателей культурного капитала вдали от рабочих окраин способствовало укреплению их социальных сетей и еще большему росту их влияния в городе.

Известная как автор социологических публикаций о местном самоуправлении в Поволжье, Ланкина также была соавтором международных исследований, сравнивавших системы местного самоуправления. Весь теоретический аппарат книги является социологическим и политологическим, а источники – в основном исторические. Таким образом, монография оказывается ярким примером исторической социологии и по своему охвату и теоретической амбиции может быть сравнена с работой Теды Скочпол «Государства и социальные революции» ([1979] 2017). Между тем, в отличие от Скочпол Ланкина больше интересуется не государством, а обществом – общественными механизмами, способствующими социальной устойчивости групп, социальных сред, сетей и семей. Не являясь центральной, тема революции остается сквозной, ведь фактически книга показывает, что с точки зрения социальной стратификации никакой революции не произошло. Ланкина критикует историков советского периода, особенно работу Шейлы Фицпатрик

«Образование и социальная мобильность в СССР» (Fitzpatrick 1979), показывающую, как рабочие и крестьяне получили доступ к управленческим должностям через систему образования. По мнению автора, многие работы историков, посвященные советскому времени, имеют общий недостаток: они помещали в центр внимания политические декларации, функционирование режима и компартию как социальный лифт. Если же перенести внимание с политического режима на профессии, социальные сети, квази-публичную сферу, институции или семейные стратегии, то картина будет совершенно иной. Люди пролетарского происхождения, как правило, не становились обладателями символического капитала в той степени, в которой им обладали наследники дореволюционных привилегированных семей. На уровне городов они не определяли политику.

Ланкина также опровергает тезис о том, что сталинская индустриализация породила «общество зыбучего песка» (Lewin 1985), в котором насильственные перемещения разрушили социально-пространственное распределение профессиональных ресурсов. Используя данные «Мемориала», она проводит статистические соответствия между местами расположения лагерей и местами концентрации образованных профессионалов в дореволюционной России. Оказалось, что места расположения лагерей соответствовали точкам роста, начавшим развиваться еще до революции, где концентрация профессионалов была выше. В некоторые лагеря свозили специалистов, еще до революции совместно работавших над решением производственных задач. Таким образом, система ГУЛАГа разрушила людские жизни, но лишь укрепила распределение человеческих и экономических ресурсов в пространстве СССР. ГУЛАГ не подорвал существующую стратификацию и не создал принципиально новых точек роста.

Итак, «Сословные корни российской демократии» – это исследование социальной стратификации России в долгосрочной перспективе. Однако книга не ограничивается только этим. На основе российского кейса Ланкина разработала теорию «социальной устойчивости» (*social resilience, social persistence*), которая может использоваться для анализа любой страны. Применительно к истории России главный аргумент книги заключается в том, что постсоветская российская демократия оказалась заложницей имперской сословной системы, породившей устойчивые модели функционирования и взаимодействия в обществе. Ни великие реформы 1860-х годов, ни Октябрьская революция, ни сталинская индустриализация не смогли преодолеть разрыв между бывшими крепостными крестьянами и образованными слоями. Социальная устойчивость образованных слоев и их способность к восстановлению статуса в кризисные периоды обеспечили непрерывность в воспроизводстве социального неравенства. В то же время социальная закрытость (*social closure*) бедных в широком смысле слоев отразилась на их участии в демократических процессах 1990-х годов.

Последняя глава книги, предлагающая сравнение между Россией, Венгрией и Китаем, позволяет сформулировать аргумент шире и даже несколько иначе. Так, в странах, где в момент формирования капитализма были созданы условия для реконверсии сословных привилегированных групп в современные профессии, возникает устойчивость элит к революционным преобразованиям. При этом попытки

де-стратификации сверху не могут эту систему перевернуть, так как она укореняется в конфигурациях социальных сетей и институциональной инерции.

После прочтения остается не до конца ясным, как механизмы «социальной устойчивости» действуют в случае непривилегированных слоев, которые после революции были принципиально открыты любой мобильности и поддерживаемы государством. Можно также задаться вопросом о том, насколько результаты этого исследования определены спецификой случая Самары – богатого, находящегося на пересечении торговых путей города, где буржуазия и мещанство бурно развивались в дореволюционный период.

В заключение следует сказать, что исследование Ланкиной настолько обширно по замыслу, источникам и методам анализа, что в наше время, когда исследования мельчают из-за требований быстрого результата, можно только порадоваться самой возможности такой крупномасштабной и многолетней работы. В современной ситуации эта книга предоставляет полезный методологический инструмент для рефлексии об устойчивости российских профессиональных сред и гражданской активности. Будем надеяться, что междисциплинарное расположение между историей и социологией не помешает широкому обсуждению рецензируемого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Скопчол, Теда. (1979) 2017. *Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Фотеева, Екатерина и Виктория Семенова, ред. 1996. *Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования*. М.: ИСПАН.
- Хабермас, Юрген. (1962) 2016. *Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества*. М.: Весь мир.
- Чуйкина, Софья. 2006. *Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы)*. СПб: Издательство ЕУСПб.
- Balzer, Harley D., ed. 1996. *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
- Clowes, Edith W., Samuel D. Kassow, and James L. West, eds. 1991. *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Fitzpatrick, Sheila. 1979. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lancien, Didier, and Monique de Saint-Martin. 2007. *Anciennes et nouvelles aristocraties de 1880 à nos jours*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme.
- Lewin, Moshe. 1985. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. London: Methuen.
- Le Wita, Béatrix. 1988. *Ni vue, ni connue: Approche ethnographique de la culture bourgeoise*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme.
- Mension-Rigau, Eric. 1990. *L'enfance au château: L'éducation familiale des élites françaises au vingtième siècle*. Paris: Editions Rivages.
- Mension-Rigau, Eric. (1994) 2007. *Aristocrates et grands bourgeois: Éducation, traditions, valeurs*. Paris: Tempus Perrin.
- Pinçon, Michel, and Monique Pinçon-Charlot. 1998. *Grandes fortunes: Dynasties familiales et formes de richesse en France*. Paris: Payot.
- Saint-Martin, Monique de. 1993. *L'espace de la noblesse*. Paris: Editions Métailié.